

Цзин Итун одной рукой придерживал камеру, а другой нажимал на спуск. Корпус фотоаппарата скрывал большую часть его лица, и с ракурса Фан Синьгу было совершенно невозможно разобрать его выражение.

Однако не оставалось никаких сомнений: Фан Синьгу стоял прямо между объективом Цзин Итуна и маяком Ле-Эклерер. С того места, где находился мужчина, сфотографировать маяк было физически невозможно.

В этот самый момент Цзин Итун выглянул из-за камеры и, улыбнувшись, показал Фан Синьгу жест, имитирующий съёмку. Он выглядел настолько невозмутимо, что в нём не было и тени смущения от того, что его застали врасплох.

Молодой человек сразу понял — Цзин Итун определённо фотографировал его.

Места на катере было мало, поэтому с ними плыли только два оператора, а остальная съёмочная группа разместилась на другом судне. Синьгу настороженно огляделся по сторонам и, убедившись, что все камеры направлены на маяк и никто не заметил их тайных переглядываний, наконец расслабился.

Он прикрыл ладонью нос, пытаясь скрыть рвущуюся наружу улыбку, и другой рукой сделал Цзин Итуну знак: «Тише».

Тот вскинул бровь и жестом показал «ОК».

Пока эти двое втайне от всех обменивались сигналами, Ван Пэйян, словно что-то почувствовав, внезапно обернулся и с недоумением посмотрел на Фан Синьгу.

— Синьгу-гэ, ты сейчас что-то показывал? — Боковым зрением юноше показалось, что тот сделал какой-то жест.

Фан Синьгу замер. Неужели у нынешней молодёжи такое острое зрение?

— Нет, — уклончиво ответил он.

Цзин Итун тут же вмешался, помогая отвлечь внимание Ван Пэйяна.

— Учитель Фан, отойдите, пожалуйста, вы мне объектив загораживаете.

Синьгу с нарочито холодным выражением лица коротко бросил:

— Ох.

И, словно нехотя, отодвинулся в сторону, освобождая Цзин Итуну обзор.

Ван Пэйян почесал в затылке. Он переводил взгляд с одного старшего коллеги на другого, ощущая странную атмосферу, повисшую между ними.

На самом деле, юноша не был близко знаком ни с кем из них. Но за несколько дней общения он понял, что Цзин Итун — человек очень покладистый. Несмотря на свой статус, с ним было легко и комфортно. Фан Синьгу, хоть и был немногословен и на первый взгляд казался холодным и высокомерным, на деле был человеком, который больше делает, чем говорит.

Но почему, когда эти двое, по отдельности такие приятные люди, оказывались вместе, между ними словно вспыхивала искра враждебности?

Задавшись этим вопросом, младший стал внимательнее наблюдать за ними. Его взгляд то и дело скользил по паре, и он с удивлением обнаружил, что, хотя Фан Синьгу и Цзин Итун сидели рядом, они не обменялись ни единым словом, ни даже взглядом, словно их разделял невидимый барьер.

Тем временем Фан Синьгу был на грани срыва. Он чувствовал, что Ван Пэйян постоянно украдкой наблюдает за ним, и ему казалось, что тот что-то заподозрил. Это заставляло его ещё больше избегать любого взаимодействия с Цзин Итуном.

Лишь когда они сошли с катера, Фан Синьгу смог наконец размять шею. Он повернул голову, и суставы отозвались серией тихих, но отчётливых щелчков. Он твёрдо решил, что больше никогда не сядет рядом с Цзин Итуном, иначе его шея и плечи однажды просто откажут.

К обеду они вернулись в город и зашли в ресторан. Проведя всё утро на ледяном ветру в открытом море, они наконец оказались в тепле, и все начали снимать верхнюю одежду.

Фан Синьгу тоже собирался снять куртку, но когда его взгляд упал на Цзин Итуна, он замер. В итоге он лишь снял шарф и шапку, немного расстегнул молнию и отвернул воротник свитера.

Владелец ресторана пригласил их на кухню, чтобы выбрать блюда. Это было заведение, специализирующееся на морепродуктах, и можно было самостоятельно выбрать свежие деликатесы и способ их приготовления.

Ло Да, большой ценитель вкусной еды, позвал с собой Мэн Хуэй и Ли Вэньюй. Лян Цзиянь и Ван Пэйян отправились в уборную. Компания шумно разошлась, и за столом остались только Синьгу и Цзин Итун.

Из-за работающих камер они оба молчали. Так они и сидели, не говоря ни слова. Операторам

стало скучно; будь на их месте кто-то другой, продюсер наверняка бы попросил их пообщаться, чтобы было что снимать. Но, во-первых, он не осмеливался командовать этими двумя звёздами, а во-вторых, им и так не было недостатка в экранном времени.

К тому же, судя по всему, их отношения были не самыми лучшими. Лучше пусть они мирно сидят, чем начнут ссориться в кадре. Оператор не был похож на того беспринципного Режиссёра Яня — чем меньше проблем, тем лучше.

Спустя некоторое время Цзин Итун, глядя на укутанного Фан Синьгу, не выдержал и спросил:

— Тебе не жарко?

Тот окинул Цзин Итуна взглядом с ног до головы. Мужчина уже снял куртку и остался в чёрном свитере с воротником-стойкой. На манжетах виднелся тёмный узор того же цвета, различимый лишь при определённом освещении.

Синьгу посмотрел на его одежду с весьма многозначительным выражением. Цзин Итун хотел было спросить, что это значит, но тут Фан Синьгу молча закатал рукав своей куртки, показывая то, что было под ней.

Цзин Итун с недоумением проследил за его движением и увидел, что под курткой у Фан Синьгу был серо-белый хлопковый свитер. Когда мужчина повернул руку, на манжете стал виден точно такой же тёмный узор, как у Цзин Итуна.

Посторонний человек мог бы и не заметить, но Цзин Итун почти мгновенно понял: одежда Фан Синьгу была той же модели, что и его свитер, только другого цвета.

Они умудрились надеть одинаковые вещи.

Фан Синьгу страдальчески прижал ладонь ко лбу. Боже, он и представить не мог, насколько это будет неловко, когда увидел, как Цзин Итун снимает куртку и под ней оказывается такой же свитер с воротником-стойкой, как у него.

Но Цзин Итун снял свою одежду первым. Если бы Синьгу теперь тоже разделся, и все увидели бы на нём такую же вещь, что бы тогда началось?

Когда артисты появляются в одинаковой одежде на одном шоу — это всегда неловко. А учитывая их нынешнюю ситуацию и непростые отношения между их фанатами, Фан Синьгу не хотел создавать лишних проблем. Он не хотел, чтобы их снова начали сравнивать, что неизбежно привело бы к новой волне скандалов.

Поэтому ему пришлось делать вид, что совсем не жарко. Он мысленно проклинал себя за то, что вообще решил надеть свою одежду, а не ту, что предоставили стилисты.

На самом деле, в этом не было ни случайности, ни совпадения. Недавно, когда Синьгу был в Цзянчэне, мать Цзин Итуна, госпожа Сун Цзяо, вернулась из заграничной командировки и привезла ему много новых зимних вещей. Собирая чемоданы, он просто захватил несколько с собой.

Но теперь, поразмыслив, он понял: если Сун Цзяо привезла одежду ему, то уж точно не обделила и собственного сына. Вероятно, свитер Цзин Итуна был из той же партии.

Цзин Итун, очевидно, тоже всё понял. Он прикрыл рот рукой и, отвернувшись, беззвучно рассмеялся.

— Я попрошу их сделать кондиционер похолоднее, чтобы остудить твой пыл.

Фан Синьгу хотел было согласиться, но тут сзади подскочила Ли Вэньюй. Она вклинилась между мужчинами, перекрывая им обзор, и совершенно внезапно начала рассказывать о меню на обед:

— Мы будем есть королевского краба! И ещё много других морепродуктов. Мы сами всё выбирали, так что всё абсолютно свежее!

Синьгу, глядя на её возбуждённое лицо, непонимающе ответил:

— Ох.

Девушка с облегчением выдохнула. Только что, вернувшись в зал, она издали увидела, как Фан Синьгу закатывает рукава, словно готовясь к драке с Цзин Итуном. Она испугалась, подумав, что между ними вот-вот вспыхнет конфликт, и бросилась их разнимать. Она заметила, что Фан Синьгу был красный от злости, и даже Цзин Итун бросал в его адрес угрозы, обещая «остудить его пыл».

Ладно наставник Фан, но почему даже Цзин Итун потерял самообладание!

У Ли Вэньюй разболелась голова. Что с ними такое? Ещё вчера во время фотосессии всё было в порядке.

Она ломала голову над этим до самого конца обеда. Не выдержав, она подошла к одному из операторов и тихо спросила:

— Брат У, о чём говорили мой наставник и брат Цзин, когда мы ходили выбирать морепродукты?

Старина У не понял, зачем ей это, но, поразмыслив, ответил, что ничего важного они не

обсуждали.

— Да ни о чём особенном, — честно сказал он.

Услышав это, Ли Вэньюй помрачнела. Всё пропало. Значит, даже операторам велели молчать о том, что произошло?

Наверняка они поссорились так сильно, что даже съёмочной группе пришлось скрывать это.

Девушка размышляла об этом всю дорогу. Лян Цзиянь заметила её задумчивость и с беспокойством спросила:

— Что с тобой сегодня?

Ли Вэньюй взглянула на Фан Синьгу и Цзин Итуна, затем выключила микрофон на воротнике и начала сплетничать с Лян Цзиянь:

— Сестра, ты знаешь, что происходит между моим наставником и братом Цзином?

Лян Цзиянь тоже украдкой посмотрела на них.

— В интернете говорят, что у них был какой-то конфликт?

Словно уловив ключевые слова, к ним присоединился Ван Пэйян.

— Вы про брата Цзина и Синьгу-гэ? Я тоже чувствую, что между ними что-то не так.

— Вот-вот! — обрадовалась Ли Вэньюй, словно нашла родственную душу, и, приукрасив, рассказала о том, что видела в ресторане. — Что они вообще творят? Ладно бы ссорились за кадром, но зачем устраивать это перед камерами? Что будет, когда шоу выйдет в эфир?

Юноша задумчиво произнёс:

— Мы снимаем всего несколько дней. Если у них и есть вражда, то она началась давно. Но я не слышал, чтобы они были знакомы.

Лян Цзиянь покачала головой.

— В нашей индустрии, чтобы нажить врага, не обязательно быть знакомыми. Сегодня я обойду тебя на пути к славе, завтра ты отберёшь у меня выгодный контракт. Любая мелочь может

стать причиной для ожесточённой борьбы. А с их популярностью, может, это просто два короля, которые не могут править на одном троне? Кто знает.

Ван Пэйян вздохнул.

— В этом есть смысл. Но если они действительно враждуют, зачем им было соглашаться на участие в одном шоу? Сейчас они так открыто конфликтуют, это плохо скажется на нашей программе.

Ли Вэньюй энергично закивала.

— Я думала помочь им помириться, или хотя бы убедить их не ссориться перед камерами.

— Я тоже, — признался юноша. — Только не знаю, как это сделать.

Лян Цзиянь работала в индустрии дольше, чем они вместе взятые. Она пережила множество взлётов и падений, поэтому не разделяла их наивных порывов.

Она тактично посоветовала:

— Я бы не советовала вам в это вмешиваться. Ваши намерения благие, но они могут этого не оценить. Как бы не вышло так, что вы не только не решите их проблему, но и сами окажетесь в немилости.

Ли Вэньюй и Ван Пэйян поняли, что сестра Цзиянь желает им добра, и послушно согласились. Девушка даже улыбнулась, лучезарно сверкая глазами, и с энтузиазмом взяла собеседницу под руку.

— Спасибо, сестра Цзиянь! Мы поняли.

На следующий день съёмочная группа «Мира огромного» поднялась на борт корабля, направляющегося в Антарктиду.

«Аффогато», подобно горе, величественно стоял в порту. По сравнению с огромными роскошными лайнерами, курсирующими по другим маршрутам, он не казался большим, но среди судов, идущих в Антарктиду, его оснащение было одним из лучших.

Режиссёр Янь, поднявшись на борт вместе со съёмочной группой, раздавал указания на сегодняшний день:

— Багаж уже доставлен в ваши каюты. Как только получите ключи, проверьте, всё ли на месте. Через некоторое время мы придём к вам для съёмки.

Все согласились. Вскоре Чжоу Сяою принёс Фан Синьгу его ключ-карту.

Синьгу взял её и вспомнил, что самые дешёвые каюты на корабле — четырёхместные, тесные и маленькие, в которых наверняка очень неуютно. Он забеспокоился, что съёмочная группа из экономии могла поселить персонал в такие условия, и повернулся к Сяою:

— В какие каюты вас поселили?

Чжоу Сяою понял его беспокойство и с улыбкой ответил:

— В двухместные, вполне приличные.

Фан Синьгу удивился. Неужели Режиссёр Янь перестал быть таким скупым?

— Если будет неудобно, поменяйте на каюту получше. Я оплачу, — сказал он.

Чжоу Сяою, изобразив умиление, жеманно произнёс:

— Молодой господин, я не зря посвятил вам свою жизнь!

Синьгу поморщился и с притворным отвращением ускорил шаг. Однако через пару шагов он вернулся и таинственным шёпотом проинструктировал помощника:

— Кстати, найди время, свяжись с братом Яном и согласуй с костюмерами мою одежду на ближайшие дни.

Брат Ян, о котором говорил Фан Синьгу, был ассистентом Цзин Итуна, Ян Цином. Чжоу Сяою растерянно спросил:

— Что я должен согласовать с братом Яном?

Синьгу с непередаваемым выражением лица похлопал его по плечу.

— Просто сделай это.

Чтобы в ближайшие дни снова не оказаться в одинаковой одежде.

Сказав это, Фан Синьгу направился на шестую палубу. Каюты всех гостей находились на этом этаже. Он открыл дверь 608-й каюты. Это была комната с одной большой кроватью. По сравнению с обычными отелями, каюты на лайнере были заметно меньше, но эта была чистой и уютной, с балконом, так что в целом всё было неплохо.

Пересчитав багаж и убедившись, что ничего не пропало, Синьгу первым делом подошёл к стеклянной двери балкона, собираясь раздвинуть шторы и полюбоваться видом на море.

Шторы с шумом разъехались в стороны. Фан Синьгу поднял глаза, но вместо ожидаемого морского пейзажа увидел нечто иное. Он ахнул — на балконе его каюты стоял человек.

Мужчина на балконе, очевидно, тоже был напуган шумом за спиной. Он резко обернулся, и они с Фан Синьгу уставились друг на друга.

Увидев знакомое лицо, Синьгу на мгновение подумал, что у него галлюцинации.

— Брат?

Цзин Итун, казалось, тоже был не в своей тарелке.

— Синьгу?

Мозг Фан Синьгу окончательно отключился.

«Фокус с исчезновением наоборот! Как Цзин Итун вообще оказался на моём балконе?»

«...Неужели этот скупой режиссёр решил сэкономить и поселил нас вдвоём в каюту с одной большой кроватью?»

<http://bllate.org/book/13481/1691551>